

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 903.7

DOI 10.26456/vthistory/2021.4.072–093

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ СВЯТИЛИЩ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

К.М. Свирин

Тверской государственной университет, г. Тверь

Аннотация. В статье рассмотрены подходы исследователей к проблеме поиска критериев для выделения языческих культовых памятников (святилищ). Подходы рассмотрены на примерах анализа археологических памятников разных периодов, как изолированных святилищ, так и расположенных на территории поселений или могильников. Выделяются четыре критерия культового статуса объектов, имеющих много вариантов конкретных проявлений: наличие очевидно культовых элементов; отсутствие признаков других археологических памятников и объектов; необычность традиционных признаков, характерных для поселений и могильников; очевидное сходство с объектами, достоверно определенными как культовые. Особенности топографии и ландшафта и этнографические аналогии также часто используются в качестве доказательств культового статуса памятников.

Ключевые слова: язычество, святилище, историография, культовые памятники, культовая практика, культовые постройки, погребальные памятники, археология.

Проблема святилища как археологического памятника является одной из наиболее сложных в археологии, поскольку включает необходимость доказывания культового статуса памятника по материальным остаткам. Далее следуют проблемы использования адекватной терминологии, соответствующей археологическому контексту, определение функций и назначения отдельных элементов структуры памятника, разработка типологии или классификации культовых объектов для определённой территории. Собственно сложнейшие проблемы реконструкции обряда и внешнего вида святилищ являются вторичными после доказательства культового статуса памятника и не всегда могут быть решены. Обратим внимание, что перечисленные проблемы касаются изучения языческих святилищ разных эпох. Естественно, что в данном контексте идёт речь об объектах, изучаемых методами археологии. Для народов, сохранивших многовековую тра-

диционную религиозно-обрядовую практику, ещё сохранилась уникальная возможность изучения всех её особенностей в этнографическом варианте¹.

Проблема установления культового статуса археологического объекта связана с отсутствием очевидных, признаваемых всеми исследователями, критериев (археологических маркеров) ритуальной деятельности, позволяющих однозначно отнести памятник к святилищу. Для классических видов археологических памятников (погребений и поселений) такие универсальные критерии имеются; это наличие останков погребённого и остатков жилищ и иных следов проживания человека. А. А. Масленников отмечает, что «Сам термин “святилище”... многозначен или скорее неоднозначен и в силу этого весьма условен. Столь же бесспорно, что всё, с чем имеет дело археолог, это опосредованное отражение древних реалий, в данном случае – самых сложно реконструируемых, связанных с духовной культурой и сакральной практикой. Вот почему, за достаточно редким исключением, когда нам заведомо известна религиозно-культурная принадлежность той или иной постройки и целого комплекса, само выделение таковых – чрезвычайно непростая, подчас спорная задача. Элемент случайности и субъективности здесь присутствует всегда, равно как и относительность всяких оценок вообще. Вопрос о самих т.н. критериях определения, выделения святилищ достаточно сложный, неоднозначный... очень многое зависит от знаний, уровня полевой подготовки и интуиции конкретного исследователя. В какой-то степени важен и такой фактор, как археологическая удача»².

Следует обратить внимание, что маркеры (критерии) ритуальной деятельности связаны с археологическим контекстом, т.е. существует ли объект как изолированный памятник (первый вариант), выявлен внутри поселения (второй вариант) или могильника (третий вариант). Выделяемые исследователями критерии в этих ситуациях могут, как совпадать, так и различаться. Можно привести разные примеры аналитической работы археологов, обрабатывающих материалы полевых исследований.

Изолированные святилища

Чаще всего в поле зрения археологов попадают либо городища, поскольку они имеют визуально фиксируемые на местности признаки, либо объекты с особым расположением (например, пещерные комплексы). Остальные виды святилищ, не имеющие внешних признаков, если и изучаются, то только в результате случайных открытий.

При исследовании средневековых славянских городищ в Попрутье и Поднестровье Б.А. Тимошук и И.П. Русанова, выделили группу памятни-

¹ Гемуев И. Н., Бауло А. В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск, 1999.

Gemuev I. N., Baulo A. V., *Svyatilishcha mansi verkhov'ev Severnoi Sos'vy*, Novosibirsk, 1999.

² Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007. С. 3.

Maslennikov A. A., *Sel'skie svyatilishcha Evropeiskogo Bospora*, Tula, 2007, S. 3.

ков, обладающих некоторыми особенностями. Например, характеризуя Кулешовское городище, авторы отметили, что объект не мог быть поселением («удалённость от источников воды, необычайно маленькая и круглая площадка городища, непригодная для постоянной жизни») и не мог служить оборонительным целям («низкие уплощённые валы и неглубокие рвы с плоским дном»). Отвергая поселенческий статус памятника, авторы включили в систему доказательств и другие особенности объекта, а именно: его топографию (мыс высотой 80 м, образованный берегами Днестра и ручья, обращённый на восток), значительные размеры системы валов и рвов, превышающие в несколько раз саму площадку (диаметр площадки – 8 м, ширина системы из пяти линий валов и рвов – 70 м), кольцевой ровик вокруг центральной площадки, наличие на вершинах валов и дне рвов каменных обожженных вымосток с углем, кальцинированными костями животных, фрагментами посуды X–XII вв.³

При характеристике так называемых болотных городищ Смоленщины, расположенных в верховьях Днепра и по окружающим славянским селищам датированных VIII–X / XI вв., В.В. Седов также отмечал их необычные признаки. Форма городищ всегда была круглая или овально-круглая; размеры очень небольшие (диаметр площадок – от 14 до 28 м). Площадки городищ возвышались над уровнем окружающей болотистой местности всего на 2–4 м и во время значительных весенних разливов становились островами; они окружены кольцеобразными рвами и валами. Культурного слоя на городищах не было выявлено. То есть изначально исследователем исключался жилой характер городищ, а затем делалось классическое для такой ситуации предположение, что городища являлись убежищами. В то же время автор отмечал, что при сооружении, например, Рудловского городища совершенно не был использован рельеф местности, что невозможно по логике при сооружении городищ-убежищ, и, кроме того, совсем рядом от круглого городища находилось другое городище с культурным слоем раннего железного века, занимавшее высокий, труднодоступный мыс, которое «могло бы быть в случае опасности использовано как убежище с большим успехом»⁴. Таким образом, «ни одно из описываемых круглых городищ Смоленщины не могло иметь военно-оборонительного значения. При их сооружении не использован рельеф местности. Площадки этих городищ совсем открыты для противника, так как их валы незначительны по размерам и в ряде случаев расположены ниже площадок городищ. Рвы, окружающие эти городища, часто находятся перед валом (с внутренней стороны валов), что неудобно для обо-

³ Тимошук Б.А., Русанова И.П. Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута // Советская археология. 1983. № 4. С. 161–164.

Timoshchuk B.A., Rusanova I.P., *Slavyanskije svyatilishcha na Srednem Dnestre i v basseine Pruta*, Sovetskaya arkheologiya, 1983, № 4, S. 161–164.

⁴ Седов В.В. Языческие святилища смоленских кривичей // Краткие сообщения Института археологии. 1962. Вып. 87. С. 61.

Sedov V.V., *Yazycheskie svyatilishcha smolenskikh krivichei*, Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii, 1962, Vyp. 87, S. 61.

роны. Наконец, площадки городищ слишком малы для убежищ; другими словами, круглые городища Смоленщина убежищами быть не могли. Выстроены они явно с иными целями и поэтому должны быть исключены из разряда оборонительных сооружений Древней Руси»⁵. Для выяснения назначения городищ далее автор использовал аналогии и сравнивал их конструкцию с открытым им ранее (в 1950-е гг.) объектом в Перыни под Новгородом.

На необычное взаиморасположение валов и рвов обратил внимание и К.А. Руденко, характеризуя болгарские городища XI–XIV вв. Автор отметил, что ряд болгарских городищ имели своеобразные оборонительные укрепления, когда рвы выкапывались как с внутренней, так и с внешней стороны вала, а иногда – только с внутренней стороны. Автор предположил, что такие укрепления выполняли не столько оборонительные или производственные, сколько ритуальные функции; хотя и считал свою версию гипотезой, подтвердить которую могли бы только полноценные раскопки таких городищ⁶.

При изучении Староигринского городища IV–V вв., VII–VIII вв. н.э. (Граховский район Удмуртской республики, мыс между двумя оврагами) автор раскопок Т.И. Останина обратила внимание на наличие валов и рвов, остатки 22 кострищ и очагов, отсутствие жилых строений, слабую мощность культурного слоя (5–10 см), бедный вещевой материал и систему столбовых ям, расположенных тремя concentрическими кругами. Такие элементы позволили автору интерпретировать объект как городище-убежище. Однако Н.И. Шутова, анализируя данные раскопок и привлекая этнографический материал с юга Удмуртии конца XIX – начала XX в., где одно из святилищ было огорожено в виде двойного круга, предположила ритуальное назначение городища⁷. Следует отметить, что для анализа памятников Камско-Вятского региона, привлечение этнографических сведений является важным элементом интерпретации археологических объектов, поскольку финно-угорские народы (например, удмурты) вплоть до современности сохранили важные элементы традиционной культуры, в том числе и священные места. Наблюдение за топографией действующих священных мест региона позволило автору обратить внимание на необычные элементы окружающего ландшафта. Например, высокий крутой берег реки, у основания которого есть родник; присутствие деревьев с аномальными признаками (с двойными, тройными вершинами, искривленными стволами,

⁵ Седов В.В. Указ. соч. С. 63.

Sedov V. V., *Op. cit.*, S. 63.

⁶ Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. // Культурные памятники Камско-Вятского региона: сб. ст. Ижевск, 2004. С. 61.

Rudenko K.A., *Bulgarskie svyatilishcha epokhi srednevekov'ya XI–XIV vv.*, Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona, sb. st., Izhevsk, 2004, S. 61.

⁷ Шутова Н.И. Средневековые святилища Камско-Вятского региона // Культурные памятники Камско-Вятского региона: сб. ст. Ижевск, 2004. С. 20–21.

Shutova N.I., *Srednevekovye svyatilishcha Kamsko-Vyatskogo regiona*, Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: sb. st., Izhevsk, 2004, S. 20–21.

с двумя, тремя, четырьмя стволами одинаковой толщины, растущими из одного основания); обугленный пенёк огромного дерева (Великорецкое святое место; берег р. Великой, с. Великорецкое, Кировская область) или наличие множества карстовых воронок, располагающихся рядами параллельно течению реки (Чумбулатское святилище («мольбище»); Советский район Кировской области, левый берег р. Немды)⁸. Особые элементы ландшафта, конечно, могут служить определённым ориентиром при анализе святилищ разных периодов.

Анализируя данные раскопок неолитического святилища Кокшаровский холм в Среднем Зауралье, А.Ф. Шорин отметил: «Археолог при исследовании памятника, необычного по внешним и внутренним признакам (топография, внешний вид, характер находок, фиксация объектов, которые трудно определить как жилые или хозяйственные, и т. д.) всегда сталкивается с проблемой: можно ли считать такой памятник или определённый комплекс объектов и находок на нём культовым»⁹. При этом автор делает важнейшее замечание: «С методологической точки зрения выявление сакральных маркеров на памятниках археологии – задача не только сложная, но и требующая от исследователя объективности: любому факту, интерпретируемому с культовых позиций желательно предлагать и «утилитарное» назначение. В исследованиях этот принцип последовательно выдержать очень сложно. Так как культовая нагрузка любого предмета является, как правило, «вещью в себе»¹⁰. Сам автор действительно стремится следовать принципу объективности, в ряде случаев предлагая разные интерпретации.

К маркерам культового статуса памятника автор отнёс: искусственную площадку, которая создавалась на протяжении длительного времени; два рва (с прокалёнными прослойками и углём); объекты прямоугольной формы, интерпретированные автором как домики для прикладов – жертвоприношений; «ландшафтный маркер» – выраженный мысовидный выступ – стрелка озера, где в него впадает река). Кроме того, автор выделил «необычные артефакты, отнесение которых к категории культовых у исследователей особого сомнения не вызывает»¹¹: сосуды с зооморфными налепами; глиняные «утюжки», сверлёная каменная булава в виде стилизованной головы животного – медведя или бобра (навершие жезла или молот) и другие. С культовыми действиями автор связал и наконечники стрел (обычные кремневые и выделяющиеся сланцевые шлифованные), ссылаясь на поли-

⁸ Шутова Н.И. Указ. соч. С. 14, 18.

Shutova N.I., *Op. cit.*, S. 14, 18.

⁹ Шорин А.Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 32.

Shorin A.F., *Svyatilishche Koksharovskii kholm v Srednem Zaural'e: markery sakral'nogo prostranstva*, Ural'skii istoricheskii vestnik, 2010, № 1 (26), S. 32.

¹⁰ Там же.

Ibidem.

¹¹ Там же. С. 37.

Ibid., S. 37.

семантическое значение стрелы по этнографическим сведениям (как приношение в качестве жертвы духу-покровителю по случаю рождения в семье сына (например, у хантов); либо как оберег, медиатор между реальным и сакральным пространством, между миром живых и миром мертвых и т. д.).

Святылища в составе поселений

Выделение и интерпретация ритуальных комплексов в составе поселений представляет собой не менее трудную задачу. Очень непросто выявить культовую постройку среди сооружений обычного бытового назначения.

Очень хорошо процесс вычленения культовых построек в структуре поселений проанализирован Т.В. Корниенко на примере ранних поселений Месопотамии. Автор для характеристики таких построек использовала сочетания: «уникальные строения», «выдающиеся строения», «неординарные строения», «необычные постройки», «исключительные постройки»¹². Подобные характеристики даны сооружениям, выделяющимся своей конструкцией, составом находок и топографией из комплекса остальных объектов. Причём заметно внимание автора к очень специфическим деталям. Например, отмечено, что «выдающиеся постройки» поселения Чейеню Тепеси (поселение докерамического неолита на территории Месопотамии, Юго-Восточная Анатолия, VIII–VII тыс. до н. э.) располагались на самом краю, на откосе. При этом фасады таких построек своим входом открывались в противоположную сторону от поселения, а стены строений, обращённые к поселению, были более массивные, чем остальные. Автор приходит к выводу, что «странное расположение, ориентировка и другие названные архитектурные приёмы семантически выделяли территорию, занимаемую рассмотренными строениями из поселенческой среды, формируя, таким образом, особый сакральный участок, на котором функционировали значимые для всей общины сооружения»¹³.

При характеристике телля Тепе Гавра (памятник убейдской культуры, Северная Месопотамия, середина V – IV тыс. до н. э.) автором описан «комплекс хорошо спланированных и искусно построенных сооружений». Искусность сооружений определялась строгой симметрией и сложной системой пилястр, украшавших внутренние и внешние стены. «Ординарных» построек жилого или хозяйственного назначения на исследованном участке встречено не было. В одной из построек «Северного Храма» был выявлен колодец (диаметром 1,15 м) с глинобитными стенами, прослеженная глубина которого составила 12–13 м. В заполнении колодца выявлены остатки глиняной посуды, печати и их оттиски (на приношениях, которые приносили в

¹² Корниенко Т.В. Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб., 2006. С. 57, 112, 127, 151.

Kornienko T.V., *Pervyye khramy Mesopotamii. Formirovaniye traditsii kul'tovogo stroitel'stva na territorii Mesopotamii v dopis'mennuyu epokhu*, SPb., 2006. S. 57, 112, 127, 151.

¹³ Там же. С. 57.

Ibid, S. 57.

храм, ставили оттиски печатей) и череп слюгги (порода охотничьей собаки). Автор предположила жертвенное назначение колодца, обратив внимание, что обычные колодцы с целью получения воды строить на возвышенности непрактично. Остатки таких колодцев, как правило, выявлены у основания теллей, а не в их центральной части¹⁴. О значении колодцев, осуществляющих связь с подземным миром, соединяющих разные миры, известно по многочисленным археологическим и этнографическим материалам¹⁵.

В числе критериев культовых объектов, фиксируемых на разных памятниках Древней Месопотамии Т.В. Корниенко упоминает: необычную планировку; особую конструкцию (массивные стены, особые архитектурные детали – укрепляющие внутренние контрфорсы, крупные размеры и др.); платформу или глиняную подушку в основании; связь с очажными сооружениями, печами, очагами; следы совершённых жертвоприношений (без учёта человеческих): останки разрубленных туш, а также семантически значимых частей скелета (черепа, отдельно челюсти, позвонков, костей конечностей, рогов) домашних животных; остатки крупных фрагментов или раздавленные полные сосуды из камня или глины в комплексе с жертвенными предметами; скопления охры; экстраординарные (т. е. нетипичные) погребения (расчленённые останки скелетов, сохранившие анатомический порядок или разрозненные; нетипичная поза умершего; погребение в комплексе с жертвенными предметами и т. д.)¹⁶. Уникальные находки (не имеющие аналогов в определённой культуре или регионе по качеству и стилю исполнения) автором выделяются в отдельный критерий культового статуса объекта. Например, антропоморфный сосуд в виде женской фигуры из Ярым Тепе II (халафская культура, конец VI – V тыс. до н. э., Иракская часть Джебзир, район Мосула) «по праву может считаться одним из самых выдающихся произведений искусства дописьменной Месопотамии»¹⁷. Другим критерием особого статуса объекта может считаться наличие в комплексе находок так называемого «антиквариата», т. е. предметов более раннего времени по сравнению с хронологией памятника (естественно, в этом случае, исключая наличие в стратиграфии поселения более ранних слоев, из которых эти находки могут происходить). В Ярым Тепе II выявлены три архаического типа обсидиановых микролитических трапещиевидных орудия, засыпанных остатками костра. Наконец, признаком культового статуса памятника считается ритуальное разбивание предметов. Автор

¹⁴ Корниенко Т.В. Указ. соч. С. 154.

Kornienko T.V., *Op. cit.*, S. 154.

¹⁵ Русанова И. П. Священные колодцы // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 1998. С. 8–14.

Rusanova I. P., *Svyashchennyye kolodtsy*, Istoricheskaya arkheologiya: Traditsii i perspektivy, K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Avdusina, M., 1998, S. 8–14.

¹⁶ Корниенко Т. В. Указ. соч. С. 98.

Kornienko T. V., *Op. cit.*, S. 98.

¹⁷ Там же. С. 124–125.

Ibid, S. 124–125.

отмечает, что ритуально сломанные вещи («погребённые» таким образом) неоднократно зафиксированы в более поздних шумерских памятниках, где они непосредственно связаны со святилищами, культовый статус которых уже очевиден исследователям.

Сходная с выше описанной система доказательств применена и А.А. Масленниковым при описании сельских святилищ Европейского Боспора эпохи античности. Одно из помещений (помещение № 11; поселение «Полянка», Крымское Приазовье), получившее название «святилище», по мнению автора, явно выделялось среди прочих своими находками и отчасти внешним обликом. Логическая цепочка доказывания культового статуса постройки начинается с утверждения о «необычности» постройки. Отмечается особая техника кладки стен и материала для строительства. Затем делается вывод о необычном вещевом комплексе (комплекс терракотовых статуэток, расположенных в особом месте, каждая из которых отличалась индивидуальностью; и присутствие курильниц («явно не утилитарного назначения»). Наличие остатков раздавленной амфоры (предположительно с пеплом) и жерновом над ней (предположительно для жертвенных возлияний) позволяют автору прийти к выводу об особом типе святилища, одновременно являющимся и погребальным памятником¹⁸.

Такую систему доказательств можно найти и при характеристике средневековых объектов. В 1970-е гг. В.П. Петренко в результате раскопок на Варяжской улице в Ладоге открыл необычное сооружение. «Большая постройка» (по терминологии автора) представляла собой прямоугольное сооружение, ориентированное по сторонам света (площадью 120 кв. м, высотой 2–2,5 м); имела мощные двухрядные стены: внешняя часть – часток из плах, горбыля, кольев, внутри – мощные опорные столбы, которые поддерживали уложенные горизонтально бревна и жерди, оплетенные лозой. Пол был земляной, крыши постройка, вероятно, не имела. «Большая постройка» в окончательном виде была возведена в 960-х гг. и преднамеренно уничтожена между 986 и 991 гг. По наблюдению автора, за время существования постройки сменилось несколько строительных горизонтов, плотность застройки со временем возрастала, образовывались уличные ряды, при этом «большая постройка выступала как бы организующим центром... вокруг которого возводились соседние сооружения»¹⁹. Внутри постройки были обнаружены медная подвеска с сакральной рунической надписью, железная шейная гривна с «молоточками Тора», деревянные антропоморфные и зооморфные резные скульптурные изображения, точеная и долбленая деревянная посуда, а также черепа и кости животных.

¹⁸ Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007. С. 15–65.

Maslennikov A. A., *Sel'skie svyatilishcha Evropeiskogo Bospora*, Tula, 2007, S. 15–65.

¹⁹ Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 111–113.

Petrenko V. P., *Raskop na Varyazhskoi ulitse (postroiki i planirovka)*, Srednevekovaya Ladoga, Novye arkheologicheskie otkrytiya i issledovaniya, L., 1985, S. 111–113.

В.П. Петренко, проводил аналогии изученной в Ладогe «большой постройке» с реконструированным Э. Шульдтом храмом на западнославянском поселении Гросс-Раден и нашёл много общих черт. По мнению Г.С. Лебедева, в Ладогe, на Варяжской улице было открыто «уличанское святилище ладожских варягов»²⁰. Таким образом, в данном случае критериями культового статуса памятника стали его необычно большие размеры, конструктивные особенности, состав находок, топография, время прекращения существования (между 986 и 991 гг.) и специальное уничтожение постройки (возможно, связанное с крещением) и проведенные аналогии с достоверно культовым объектом.

Необычный критерий культового назначения постройки на Маяцком селище (связанный с её размерами) был предложен З.Х. Албеговой и М.Г. Гусаковым (памятник салтово-маяцкого варианта аланской культуры IX–X вв.; р. Тихая Сосна, Лискинский район, Воронежская область). Постройка, на взгляд авторов, была не приспособлена для жилья и представляла собой подпрямоугольную в плане столбовую конструкцию с небольшим тамбуром. В стене были замурованы три черепа свиньи. В полу находились два подпрямоугольных и два бесформенных в плане углубления, в том числе от кострища. Система ступенчатых углублений в полу, по мнению исследователей, либо представляла сакральную схему «квадрат в квадрате», либо предохраняла постройку от пожара, так как ступени увеличивали расстояния между кострищем и деревянными стенами и крышей (т. е. авторы предложили и ритуальное и утилитарное объяснение такой конструкции)²¹.

Авторы посчитали неслучайными размеры постройки (8,30 x 6,34 м), которые в пересчёте на древнюю шаговую систему измерения (длинный шаг равен 0,93 м) соответствовали площади со сторонами 9x7 шагов. По мнению авторов, «возможно, такие сакральные числа, как 7 и 9, традиционно являющиеся магическими у многих, если не у всех народов мира, были намеренно использованы при строительстве святилища... в длину помещение было разбито на три равные зоны по три шага каждая (9 шагов) и в центральной зоне было заложено кострище... вдоль короткой юго-восточной стены прослеживается семь столбовых ямок, вдоль длинной северо-восточной – девять... Короткой, семишаговой стороной святилище обращено в сторону восходов Луны весной / осенью. Как известно, фазы Луны равны семи дням»²². В результате проведённого исследования по-

²⁰ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 470, 486.

Lebedev G. S., *Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi*, SPb., 2005. S. 470, 486.

²¹ Албегова З. Х., Гусаков М. Г. Культовое назначение постройки 21 Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок. М., 2001. С. 124–125.

Albegova Z. Kh., Gusakov M. G., *Kul'tovoe naznachenie postroiki 21 Mayatskogo selishcha*, Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy, Trudy otdela okhrannykh raskopok, M., 2001, S. 124–125.

²² Там же. С. 125, 130.

стройка авторами была связана с двумя важными календарными праздниками – летнего солнцестояния (первого урожая) и весеннего равноденствия (начала сева) – и посвящалась местному патрону, выполнявшему функции божества плодородия и грозовика.

В рассмотренных работах содержатся способы выявления культовых построек среди других (жилищ, хозяйственных построек и т. д.), хотя предложенные авторами критерии могут быть использованы и для интерпретации культовых сооружений открытого типа, например, жертвенных ям, площадок, очагов, которые, также встречаются на поселениях.

Святылища в составе погребальных памятников

Выделение в структуре погребальных памятников святылищ, на первый взгляд, представляет собой абсурдную задачу, поскольку очевидно, что погребальные памятники также относятся к памятникам культовым (причём как собственно сами погребальные комплексы, содержащие останки погребенного, так и в целом территория могильников). Не вызывает сомнения, что на территории могильников до и после момента погребения проводились различные ритуалы. В то же время, очевидно, что этот вид археологических памятников всегда изучается отдельно и в системе археологических объектов имеет особое место. Погребальные комплексы разных периодов и территорий, выделяемые и изучаемые повсеместно, дают обширнейший материал для изучения разных аспектов материальной и духовной культуры. Как правило, очевидный факт наличия останков погребённого освобождает исследователя от необходимости доказывать погребальный характер памятника, и его существование является очевидным.

В то же время в контексте изучаемой проблемы важно определить способы, которые используют исследователи при выделении тех объектов в структуре могильников, которые не обладают признаками погребения, но имеют культовый характер.

Например, А.В. Куза и Г.Ф. Соловьева изучили один из могильников (недалеко от Рогачева, близ с. Ходосовичи, левый берег Святого (Доброго) озера, при впадении двух ручьёв), который насчитывал более ста насыпей: курганы VIII–IX вв. (сожжения на стороне), погребения эпохи бронзы и славянские курганы XI–XIII вв. Открытие объекта, который авторы отнесли к культовому, произошло случайным образом при изучении примыкающего к могильнику селища. На мысу озера, на материке под слоем углестого песка, был открыт комплекс сооружений X в., который авторы назвали «святылищем». Центральную часть объекта составлял круг (диаметром 7 м), по краю которого шла кольцевая канавка, с золой и углём; в центре круга сохранилось круглое в плане углубление с плоским дном. С трех сторон от внешнего края круга находились серповидные с закругленными концами ямы, имевшие корытообразное дно и заполненные черным углестым песком, углем и обожженными камнями. У концов «серпов» находи-

Ibid, S. 125, 130.

лись столбовые ямы и другие углубления с обломками славянской керамики и неопределёнными железными предметами. К южному «серпу» примыкало округлое углубление (диаметр 2, 25 м, глубина 1,3 м). На расстоянии 10 м к востоку от центрального круга было обнаружено второе кольцо (диаметр 5 м); на дне канавки были обнаружены ямки от отдельных столбиков. В центре круга находилась круглая в плане яма, а с северной и южной сторон круга были расположены две серповидные ямы²³.

Авторы обратили внимание на сходство плана вскрытых сооружений с картиной, получаемой после зачистки подошвы многих славянских курганных насыпей. Поэтому основным действием при осмыслении полученного археологического материала стало обоснование того, что выявленные объекты не являлись остатками разрушенных курганов. Авторы привели аргументы в пользу такого утверждения. Отмечено, что в 50 м от объектов хорошо сохранились одновременные курганные насыпи (объяснить существование одних и разрушение других случайными причинами трудно). Далее авторы обратили внимание, что при общем сходстве с конструкцией подошвы курганов изученные сооружения имели отличия: дополнительные ямы, ряды столбов, их чёткие формы и абсолютная ориентация (что нехарактерно для сохранившихся и раскопанных в Ходосовичах курганов). Наконец, описанное сооружение уже в конце XI – начале XII в. было перекрыто жилым комплексом с очагом; при этом прилегающая к мысу часть курганного могильника датирована концом X – XI в. и маловероятно, чтобы некоторые могилы спустя короткий промежуток времени после их сооружения были уничтожены какими-либо хозяйственными постройками. То есть обнаруженная постройка (очаг с предпочажной ямой) была возведена уже на пустом месте, когда низлежащее сооружение перестало функционировать.

Сходство конструктивных особенностей открытого объекта с устройством курганов авторы объяснили органической связью погребального обряда древних славян со всей системой их религиозных воззрений. Авторы провели аналогии с уже упоминавшимся святилищем в Перыни и с описанным Ибн-Фадланом святилищем русов и обозначали объект как «межродовое капище одного из племен радимичского союза»²⁴. Другой интерпретатор данного комплекса М.Г. Гусаков привёл аргументы в пользу археоастрономического назначения объекта²⁵.

²³ Куза А.В., Соловьева Г.Ф. Языческое святилище в земле радимичей // Советская археология. 1972. № 1. С. 148–149.

Kuza A. V., Solov'eva G. F., *Yazycheskoe svyatilishche v zemle radimichei*, Sovetskaya arkheologiya, 1972, № 1, S. 148–149.

²⁴ Там же. С. 153.

Ibid, S. 153.

²⁵ Гусаков М.Г. Днепровские городища-святилища лесной полосы (Опыт археоастрономии) // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охраненных раскопок. М., 2001. С. 132–149.

Сходная ситуация наблюдалась при описании святилища, открытого на Псковском некрополе. Исследования И.К. Лабутиной в 1982 г. продемонстрировали, что в X–XI вв. в междуречье Псковы и Великой, в 200 м юго-восточнее от линии Довмонтовой стены располагался культовый участок, занятый курганным кладбищем²⁶. Вершину возвышенности, на которой располагался некрополь, занимало святилище, оформленное с помощью ровика (шириной 1,6–4,1 м) в круглую площадку диаметром 11 м с входом с юго-западной стороны. На дне рва было выявлено угольное пятно и кострище, засыпанное песком. В центральной части площадки сохранились две симметрично расположенные столбовые ямы, в одной из которых было зафиксировано основание дубового столба. По краю площадки был выявлен ряд столбовых ям, расположенных на относительно одинаковом расстоянии. На склоне рва была обнаружена челюсть лошади; в пределах площадки отмечены фрагменты лепной и раннегончарной керамики. Курганный кладбище было уничтожено не позднее рубежа XI–XII вв. и к моменту раскопок визуально не фиксировалось, поэтому раскопки велись сплошной широкой площадью, что и способствовало выявлению святилища. Аргументы в пользу выявленной площадки как святилища привела Н.Н. Малышева: топографическое расположение в центре некрополя, на рельефном возвышении, ограниченном ручьем («место для святилища было выбрано в центральной части плато, в нескольких метрах от ложбины стока... где она ближе всего подходила к вершине возвышенности. Выбор именно этого места для языческого святилища Пскова интересующего нас времени представляется нам неслучайным...»²⁷) и наличие в северной части плато, приблизительно на границе северного склона возвышенности, большого валуна (3,38x3,08 м) ледникового происхождения, «который, возможно, использовали в качестве культового объекта, о чем свидетельствует обработка его верхней части»²⁸. Кроме того, было отмечено отсутствие над выявленной площадкой остатков насыпи (при том, что по прослойкам погребённого дерна насыпи над половиной погребений могильника были точно установлены), симметричное расположение центральных

Gusakov M. G., *Dneprovskie gorodishcha-svyatilishcha lesnoi polosy (Opyt arkhеоastronomii)*, Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy, Trudy otdela okhrannykh raskopok, M., 2001, S. 132–149.

²⁶ Лабутина И.К. Языческое святилище Пскова // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 100–108.

Labutina I.K., *Yazycheskoe svyatilishche Pskova*, Istoriya i kul'tura drevnerusskogo goroda, M., 1989, S. 100–108.

²⁷ Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века: в 2-х томах.. СПб., 2012. Т. 1. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города). С. 44.

Drevnerusskii nekropol' Pskova X – nachala XI veka, V 2-kh tomakh, SPb., 2012, T. 1, Rannegorodskoi nekropol' drevnego Pskova (po materialam raskopov na territorii Srednego goroda), S. 44.

²⁸ Там же. С. 46.

Ibid, S. 46.

столбовых ям, в одной из которых имелись остатки дубового столба, и отсутствие следов погребений на площадке. В совокупности такие элементы указывали на то, что площадка была святилищем, а не разрушенным курганом.

Отметим, что археологические раскопки курганных кладбищ редко ведутся площадью, что затрудняет выявление некоторых важных их элементов, в том числе остатков ритуальных сооружений в межкурганном пространстве.

Бывают и обратные ситуации, когда насыпанные курганы представляют собой святилища, а погребальные комплексы располагаются в межкурганном пространстве. В качестве примера можно привести изученные В.Р. Эрлихом комплексы некрополя Тенгинского II городища IV в. до н. э., отнесённого к меотской культуре (окрестности станицы Тенгинской Усть-Лабинского района Краснодарского края).

Некрополь Тенгинского II городища представлен тремя курганами и грунтовым могильником, выявленным в межкурганном пространстве. При изучении кургана 2 (диаметром 25 м) под насыпью было выявлено центральное сооружение и окружающая его в форме «подковообразного рва» конская могила, содержащая останки 23 лошадей и быков. Центральное сооружение представляло собой деревянную «раму» на вертикальных столбах, находящихся в большой прямоугольной яме. Внутри конструкции находились галечные вымостки с большим скоплением разнообразных находок (золотые нашивные бляшки, часть золотой ажурной пластины-диадемы, фрагменты железных панцирных пластин, керамические и стеклянные бусы, наконечники стрел, фрагменты керамики, фрагменты железных и бронзовых предметов и т. д.). Над дубовым перекрытием конской могилы были найдены высокохудожественные бронзовые культовые предметы – навершия («сакральные предметы») ²⁹.

При описании объекта приводятся разнообразные аргументы в пользу его культового статуса. Как важный критерий автор выделяет ритуальную порчу предметов. Например, отсутствие полных форм керамики, объясняется «характером ритуала, который предполагал порчу всех предметов, символизирующую их «смерть» и принесение в жертву» ³⁰. Кроме того, на ритуальных площадках курганов-святилищ обнаружены фрагменты железных мечей, восстановить внешний вид которых оказалось невозможно. Одновременно из погребений самого грунтового могильника происходят два абсолютно целых меча. Таким образом, фрагментированность мечей на площадке под курганом предполагается как неслучайная.

Также автор отмечает «выдающиеся» изделия, например, скульптурный наносник в виде головы пантеры, терзающей человеческую голову, и

²⁹ Эрлих В. Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н.э. М., 2011. С. 24–44.

Erlikh V. R., *Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II, IV v. do n.e.*, М., 2011, S. 24–44.

³⁰ Там же. С. 48.

Ibid, S. 48.

четыре литых навершия (три бронзовых и одно бронзовое с железными клепками), названные автором «подлинными шедеврами меотского бронзолитейного искусства и самыми яркими находками в Тенгинских святилищах»³¹. Предметы содержат односторонние изображения обособленной профильной головы благородного оленя, стилизованные рога которого зоморфно трансформированы.

Таким образом, автор приходит к выводу, что, «судя по конструкции сооружения, характеру находок, их расположению, отсутствию человеческих останков (за исключением фаланги пальца, найденной в одной из столбовых ямок), курган 2 следует отнести к культовым памятникам – святилищам»³². Такую же функцию выполняли и два других кургана в изученном некрополе. В.Р. Эрлих выдвигает интересное предположение, что подобные курганы не связаны исключительно с погребальным ритуалом и тризнами по погребенным в грунтовом могильнике. Связь, по мнению автора, могла быть обратная, «именно могильники устраиваются в сакрализованном месте, там, где находятся святилища. Это подобно тому, как у христиан погребения находятся в крипте в пределах храма или возле храма. Количество и качество жертвоприношений в меотских святилищах многократно превосходит погребальный инвентарь грунтовых могил. То есть подношения богам, гораздо обильнее и богаче, чем предкам»³³.

Конечно, в пространстве могильников разных периодов и территорий исследователи находят и очевидно жертвенные комплексы, интерпретация которых в качестве культовых не требует сложной системы доказательств. Например, на территории грунтового могильника Горка (XII – начало XIII в.) (левый берег реки Тихманьга) Н.А. Макаровым была выявлена большая жертвенная яма. В заполнении отмечены пять целых скелетов собак разного возраста, фрагменты костей стрепета, трёх уток, курицы и рыб; яма была засыпана камнями и залита расплавленным веществом, которое при застывании превратилось в шлак. Также в яме обнаружены два железных замка, железный топор, неопределённые предметы в виде обломков металла и бронзовые пластины-оковки от посуды. Н.А. Макаров пишет: «Тот факт, что комплекс представляет собой остатки языческого жертвоприношения, не требует особых доказательств»³⁴. Поводом для жертвоприношения могло быть общественное бедствие – эпидемия, неурожай, голод, а предназначалось оно божествам смерти и подземного мира³⁵. Выяв-

³¹ Эрлих В. Р. Указ. соч. С. 60, 72.

Erlikh V. R., *Op. cit.*, S. 60, 72.

³² Там же. С. 43.

Ibid, S. 43.

³³ Там же. С. 94.

Ibid, S. 94.

³⁴ Макаров Н.А. Жертвенный комплекс конца XII – начала XIII в. на Каргополье // Краткие сообщения Института археологии. 1987. Вып. 190. С. 75.

Makarov N. A., *Zhertvennyi kompleks kontsa XII – nachala XIII v. na Kargopol'e*, *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 1987, Вып. 190, S. 75.

³⁵ Там же. С. 78.

лению культового комплекса способствовал грунтовый (бескуранный) характер захоронений, что привело к изучению памятника широкой площадью.

Некоторые исследователи отмечают и общие критерии выделения культовых объектов вне зависимости от месторасположения. Например, И.П. Русанова относил к таким критериям следующие (выделенные преимущественно по материалам славянских памятников): расположение объекта в необычном месте – на могильнике, на краю поселения или в его центре; в стороне от заселенной территории, рядом с другими явно культовыми сооружениями – зольниками, храмами, алтарями; необычную для окружающих построек форму или конструкцию; каменные и многослойные глиняные алтари, особой формы вымостки; наличие сакральной границы; явно жертвенный состав находок – кости человека, его череп или отдельные кости на поселениях, кости многих животных, собранные вместе, особенно черепа и челюсти, пережжённые кости в ямах и на очагах; наличие амулетов и идолов; огонь; аналогии сооружениям, функция которых неясна, среди достоверно культовых объектов; сопоставление с этнографическими данными или описаниями в древних источниках³⁶.

Из элементов, ранее не указанных, следует обратить внимание на присутствие в этой системе критериев идолов. Парадоксально, но идолы (искусственные предметы поклонения) почти не упоминаются исследователями при характеристике археологических культовых комплексов, хотя и являются очевидным критерием их культового статуса. Объяснение этому факту есть. Идолы, конечно, устанавливались далеко не на всех культовых объектах. Кроме того, до момента раскопок языческие идолы практически никогда не сохраняются, поскольку их либо укрывали сами язычники, либо уничтожали в результате распространения христианства или ислама, либо от них просто не оставалось следов в грунте (в случае, если они были изготовлены из дерева). Там же, где в культурном слое определяются столбовые ямы, предполагать их как места установки идолов можно лишь гипотетически, по совокупности других признаков.

Критерии выделения культовых памятников предложила также Н.И. Шутова, преимущественно обобщая сведения о средневековых финно-угорских памятниках Камско-Вятского региона:

– расположение на площадках городищ и селищ, используемых не для постоянного обитания людей, а для выполнения производственных операций, проведения культовых церемоний или обороны; расположение на горах, холмах, увалах, а в равнинных и болотистых местах – на небольших возвышениях;

– близость к водным источникам – реке, роднику;

Ibid, S. 78.

³⁶ Русанова И. П. Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Черновцы, 2002. С. 11.

Rusanova I. P., *Istoki slavyanskogo yazychestva: Kul'tovye sooruzheniya Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v I tys. do n.e. – I tys. n.e.*, Chernovtsy, 2002, S. 11.

- ограждение прямоугольной или округлой (овальной) формы искусственного или естественного происхождения, либо несколько границ сакральности;
- кострище, столб, небольшое углубление, дерево или камень («как своеобразные маркеры сакрального центра»);
- расположение в кострище кальцинированных, обожженных и сырых костей жертвенных животных, реже птиц, обломков глиняной посуды, наконечников стрел, монет и других предметов;
- следы воздействия огня на каждом памятнике (кальцинированные кости, слабые остатки золы, прокала, либо мощные кострища, толстые слои пережженных кальцинированных костей);
- находки специальных культовых пластин, целых черепов или скелетов диких (медведи, лоси) и домашних (лошади, быки) животных, оставшихся после проведения обрядовых действий, либо использование в качестве приношений божествам обычных (повседневных) вещей – монет, стрел, обломков глиняных сосудов, точильных камней;
- обустройство жертвенников рядом с металлургическими комплексами и их связь с производственной магией;
- факт почитания средневековых святилищ или урочищ окрестным населением в более позднее время, в XIX–XX вв.;
- строительство на площадке средневекового мольбища или неподалеку от него христианских церквей и часовень.

Автор справедливо отмечает, что «несмотря на существование вполне определенных характерных черт сакральных мест, трудно перечислить строгий набор критериев, позволяющих легко и интерпретировать их в качестве святилищ. Ибо полное сочетание всех перечисленных признаков культовых объектов будет свойственно лишь идеальной абстрактной модели святилища»³⁷.

Заметим, что перечисленные автором критерии содержат не столько критерии «культовости» для памятников, статус которых ещё только требуется определить, сколько включают обобщенное описание элементов топографии, конструкции и состава находок для памятников, культовый статус которых уже установлен. Хотя, очевидно, речь идёт о разных вещах. Когда автор, например, в числе критериев упоминает ограждение прямоугольной или округлой (овальной) формы, либо несколько границ сакральности, то культовый характер ограждения и его «сакральность» сначала требуется установить, а для этого требуются другие критерии. Так же как требует установления культовый статус обычных (повседневных) вещей. Смещение понятий о критериях (как маркерах, с помощью которых устанавливается культовый статус памятника) и признаках (как элементах конструкции уже выделенных святилищ), вероятно, является неизбежным и присутствует у многих авторов.

³⁷ Шутова Н. И. Указ. соч. С. 34–35.

Shutova N. I., *Op. cit.*, S. 34–35.

Сложность проблемы определения культового / некультового статуса памятников показывают периодически возникающие и продолжающиеся дискуссии о назначении тех или иных объектов. Например, Перыньское святилище под Новгородом, открытое В.В. Седовым в далекие 1950-е гг., и считавшееся долгое время эталонным памятником древнерусского язычества, было интерпретировано В.Я. Конецким как остатки разрушенных сопок³⁸. Нельзя не упомянуть и дискуссию, возникшую в связи с исследованием памятников на р. Збруч (Богит, Звенигород, Говда), открытых в месте находки Збручского идола. Памятники интерпретировались как восточнославянские городища-святилища конца X – середины XIII в. (И.П. Русанова, Б.А. Тимошук) или городища-убежища, разгромленные татаро-монголами (В.П. Даркевич) или святилища, но связанные не с восточнославянским, а западнославянским или тюркским населением (Л.С. Клейн)³⁹. Аналогичная дискуссия, связана с поволжским городищем Шелом, VII–XIV вв. (Спаский район республики Татарстан, на Волге); различные точки зрения о статусе и конструктивных особенностях объекта приведены К.А. Руденко⁴⁰.

Подводя итог, следует отметить, что в работах авторов, описывающих памятники с разных территорий и разного времени, возникают сходные проблемы, вынуждающие их доказывать культовый статус открытых объектов. Когда объект впервые изучается, происходит установление его культового статуса по принципу отсутствия каких-либо критериев, характерных для жилых или погребальных комплексов (формулируется гипотеза о культовом статусе памятника), а затем добавляются его очевидные «культовые» признаки. После установления культового статуса одного или группы сходных памятников далее исследователи действуют по принципу аналогии путём фиксации уже известных и выделенных на других памятниках признаков.

³⁸ Конецкий В.Я. Некоторые аспекты источниковедения и интерпретация комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология. СПб.; Псков, 1995. Ч. 1. С. 80–85.

Konetskii V.Ya., *Nekotorye aspekty istochnikovedeniya i interpretatsiya kompleksa pamyatnikov v Peryni pod Novgorodom*, Tserkovnaya arkheologiya, SPb., Pskov, 1995, Ch. 1, S. 80–85.

³⁹ Даркевич В.П., И.П. Русанова, Б.А. Тимошук. Языческие святилища древних славян. М., 1993 [Рецензия] // Российская археология. 1996. № 4; Русанова И.П., Тимошук Б.А. Еще раз о славянском языческом центре на реке Збруч // Российская археология. 1998. № 2; Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Darkevich V.P., I. P. Rusanova, B. A. Timoshchuk, *Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan*, M., 1993 [Retsenziya], Rossiiskaya arkheologiya, 1996, № 4; Rusanova I. P., Timoshchuk B. A., *Eshche raz o slavyanskom yazycheskom tsentre na reke Zbruch*, Rossiiskaya arkheologiya, 1998, № 2; Klein L. S., *Voskreshenie Peruna. K rekonstruktsii vostochnoslavyanskogo yazychestva*, SPb., 2004.

⁴⁰ Руденко К. А. Указ. соч. С. 47–60.

Rudenko K. A., *Op. cit.*, S. 47–60.

В целом, на основании предложенных авторами доказательств, можно выделить четыре критерия, имеющих много вариантов конкретных проявлений и в совокупности определяющих культовый статус памятника. Во-первых, по наличию чего-то очевидно культового (идол; очевидно культовые вещи (например, предметы культового литья пермского звериного стиля, предметы в виде зооморфных, антропоморфных изображений; амулеты и т. д.); захоронения целых костяков животных, скопления черепов животных). Во-вторых, по отсутствию каких-то характерных маркеров других археологических памятников и объектов (нет признаков хозяйственной и производственной деятельности, нет «жилого» культурного слоя, нет остатков жилищ, нет очага в постройке, нет останков погребённого (например, под курганной насыпью). В третьих, по необычности традиционных признаков, характерных для поселений и могильников (самая большая группа критериев) (необычное погребение (необычное положение погребённого, фрагменты или части скелета (череп, конечности) или отсутствие какой-то части скелета); необычный вал (или ров), их размер, форма, материал, необычное взаиморасположение, наличие в основании, на вершине, дне дополнительных необычных необоронительных конструкций; маленькая площадка городища; необычная постройка с конструктивной точки зрения (фундамент, толщина и конструкция стен, опор, ориентировка, размеры, нехарактерные по сравнению с другими объектами на памятнике элементы архитектуры, декора) или из необычного материала; необычный колодец (не достающий до водоносных слоев); нетипично обширные следы применения огня (кострища, открытые очаги, скопления угля); необычные повседневные предметы (недоделанные или плохо сделанные, испорченные, с нанесенными знаками, символами); несинхронные комплексу или памятнику предметы – «раритеты»; уникальные для памятника, территории или времени находки (с точки зрения стиля исполнения, формы, материала), либо исключительный состав находок в постройке по сравнению с другими постройками на поселении; нетипично сильная фрагментированность находок). И, наконец, абсолютно очевидные параллели (по топографии, конструкции и составу находок) с объектами, культовый статус которых несомненен и признается всеми исследователями. Хотя как показывает историографическая ситуация, такое оказывается возможным лишь для объектов, имеющих территориально и/или хронологически близкие этнографические аналогии, либо подробные описания в письменных источниках. Приведёнными примерами перечень критериев и вариантов их конкретного проявления, конечно, не ограничивается. Многие наблюдения, которые делают авторы археологических исследований, всегда заслуживают отдельного внимания.

Отметим также, что особенности топографии и ландшафта, хотя часто и используются исследователями памятников в качестве доказательств, являются не первичным критерием их культового статуса, а выступают скорее дополнением к другим критериям и описываются как факт уже для

установленной группы очевидно культовых объектов (за исключением наличия очевидных этнографических аналогий).

Список литературы:

1. *Албегова З. Х., Гусаков М. Г.* Культовое назначение постройки 21 Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок / Отв. ред. А. С. Смирнов. М.: Институт археологии РАН, 2001. С. 122–131.
2. *Гемуев И. Н., Бауло А. В.* Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 240 с.
3. *Гусаков М. Г.* Днепровские городища-святилища лесной полосы (Опыт археоастрономии) // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок / Отв. ред. А. С. Смирнов. М.: Институт археологии РАН, 2001. С. 132–149.
4. *Даркевич В. П.* И. П. Русанова, Б. А. Тимощук. Языческие святилища древних славян. М., 1993 [Рецензия] // Российская археология. 1996. № 4. С. 200–206.
5. Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. В 2-х томах. Т. 1. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопок на территории Среднего города) / Отв. ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2012. – 300 с.
6. *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. – 480 с.
7. *Конечкий В. Я.* Некоторые аспекты источниковедения и интерпретация комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.; Псков, 1995. Ч. 1. С. 80–85.
8. *Корниенко Т.В.* Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб.: Алетейя, 2006. – 312 с. (Серия «Руководства по востоковедению»).
9. *Куза А. В., Соловьева Г. Ф.* Языческое святилище в земле радимичей // Советская археология. 1972. № 1. С. 146–153.
10. *Лабутина И. К.* Языческое святилище Пскова // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1989. С. 100–108.
11. *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.
12. *Макаров Н. А.* Жертвенный комплекс конца XII – начала XIII в. на Каргополье // Краткие сообщения Института археологии. 1987. Вып. 190. С. 73–79.
13. *Масленников А. А.* Сельские святилища Европейского Боспора. Тула: Гриф и К, 2007. – 564 с.

14. *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 81–116.
15. *Руденко К. А.* Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. // Культурные памятники Камско-Вятского региона: сб. ст. / Отв. ред., авт. предисл. Н. И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 36–66.
16. *Русанова И. П.* Истоки славянского язычества: Культурные сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Черновцы: Прут, 2002. – 172 с.
17. *Русанова И. П.* Священные колодцы // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 8–14.
18. *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Еще раз о славянском языческом центре на реке Збруч // Российская археология. 1998. № 2. С. 234–243.
19. *Седов В. В.* Языческие святилища смоленских кривичей // Краткие сообщения Института археологии. 1962. Вып. 87. С. 57–64.
20. *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища на Среднем Днепре и в бассейне Прута // Советская археология. 1983. № 4. С. 161–173.
21. *Шорин А. Ф.* Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 32–42.
22. *Шутова Н. И.* Средневековые святилища Камско-Вятского региона // Культурные памятники Камско-Вятского региона: сб. ст. / Отв. ред., авт. предисл. Н. И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 5–35.
23. *Эрлих В. Р.* Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н. э. М.: Наука, 2011. – 212 с.

Об авторе:

СВИРИН Кирилл Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра архивоведения, историографии и документоведения, Тверской государственный университет (17010, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 208), e-mail: Svirin.KM@tversu.ru

CRITERIA FOR THE ALLOCATION OF SANCTUARIES IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

К.М. Svirin

Tver State University, Tver'

Annotation. The article discusses the approaches of researchers to the problem of finding criteria for the identification of pagan religious monuments (sanctuaries). The approaches are considered on the examples of the analysis of archaeological monuments of different periods, both isolated sanctuaries and located on

the territory of settlements or burial grounds. There are four criteria for the cult status of objects that have many variants of specific manifestations: the presence of obviously cult elements; the absence of signs of other archaeological sites and objects; the unusual nature of traditional signs characteristic of settlements and burial grounds; obvious similarity with objects reliably identified as cult. Features of topography and landscape and ethnographic analogies are also often used as evidence of the cult status of monuments.

Keywords: *paganism, sanctuary, historiography, cult monuments, cult practice, cult buildings, funerary monuments, archeology.*

About the author:

SVIRIN Kirill Mikhailovich – Candidate of History, Associate Professor, the Department of Archive Studies, Historiography and Documentation, Tver State University (17010, Tver, Tryokhsvyatskaya Str. 16/31, room 208), e-mail: Svirin.KM@tversu.ru

References

- Albegova Z. Kh., Gusakov M. G., *Kul'tovoe naznachenie postroiki 21 Mayatskogo selishcha*, Praktika i teoriya arkhologicheskikh issledovaniy, Trudy otdela okhrannykh raskopok, Otv. red. A. S. Smirnov, M., Institut arkhologii RAN, 2001, S. 122–131.
- Darkevich V. P. *I. P. Rusanova, B. A. Timoshchuk, Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan*, M., 1993 [Retsenziya], Rossiiskaya arkhologiya, 1996, № 4, S. 200–206.
- Drevnerusskii nekropol' Pskova X – nachala XI veka*, V 2-kh tomakh, T. 1, Ran-negorodskoi nekropol' drevnego Pskova (po materialam raskopov na terri-torii Srednego goroda), Otv. red. I. K. Labutina, SPb., Nestor-Istoriya, 2012. – 300 s.
- Gemuev I. N., Baulo A. V., *Svyatilishcha mansi verkhov'ev Severnoi Sos'vy*, No-vosibirsk, izd-vo Instituta arkhologii i etnografii SO RAN, 1999. – 240 s.
- Gusakov M. G., *Dneprovskie gorodishcha-svyatilishcha lesnoi polosy (Opyt arkhеоastronomii)*, Praktika i teoriya arkhologicheskikh issledovaniy, Trudy otdela okhrannykh raskopok, Otv. red. A. S. Smirnov, M., Institut arkhologii RAN, 2001, S. 132–149.
- Klein L. S., *Voskreshenie Peruna. K rekonstruktsii vostochnoslavyanskogo yazy-chestva*, SPb., Evraziya, 2004. – 480 s.
- Konetskii V. Ya., *Nekotorye aspekty istochnikovedeniya i interpretatsiya kom-pleksa pamyatnikov v Peryni pod Novgorodom*, Tserkovnaya arkhologiya. Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii, Pskov, 20–24 noyabrya 1995 goda, Otv. red. S. V. Beletskii, SPb., Pskov, 1995, Ch. 1, S. 80–85.
- Kornienko T. V., *Pervye khramy Mesopotamii. Formirovanie traditsii kul'tovogo stroitel'stva na territorii Mesopotamii v dopis'mennuyu epokhu*, SPb., Al-eteiya, 2006. – 312 s. (Seriya «Rukovodstva po vostoekovedeniyu»).
- Kuza A. V., Solov'eva G. F., *Yazycheskoe svyatilishche v zemle radimichei*, So-vetskaya arkhologiya, 1972, № 1, S. 146–153.

- Labutina I. K., *Yazycheskoe svyatilishche Pskova*, Istoriya i kul'tura drevnerusskogo goroda, Otv. red. G. A. Fedorov-Davydov, M., Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1989, S. 100–108.
- Lebedev G. S., *Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi*, SPb., Evraziya, 2005. – 640 s.
- Makarov N. A., *Zhertvennyi kompleks kontsa XII – nachala XIII v. na Kargopol'e*, Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii, 1987, Vyp. 190, S. 73–79.
- Maslennikov A. A., *Sel'skie svyatilishcha Evropeiskogo Bospora*, Tula, Grif i K, 2007. – 564 s.
- Petrenko V. P., *Raskop na Varyazhskoi ulitse (postroiki i planirovka)*, Srednevekovaya Ladoga, Novye arkheologicheskie otkrytiya i issledovaniya, Otv. red. V. V. Sedov, L., Nauka, Leningr. otd-nie, 1985, S. 81–116.
- Rudenko K. A., *Bulgarskie svyatilishcha epokhi srednevekov'ya XI–XIV vv.*, Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona, sb. st., Otv. red., avt. predisl. N.I. Shutova, Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 2004, S. 36–66.
- Rusanova I. P., *Istoki slavyanskogo yazychestva: Kul'tovye sooruzheniya Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v I tys. do n.e. – I tys. n.e.*, Chernovtsy, Prut, 2002. –172 s.
- Rusanova I. P., *Svyashchennye kolodtsy*, Istoricheskaya arkheologiya: Traditsii i perspektivy, K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Avdusina, Otv. red. V. L. Yanin, M., Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1998, S. 8–14.
- Rusanova I. P., Timoshchuk B. A., *Eshche raz o slavyanskom yazycheskom tsentre na reke Zbruch*, Rossiiskaya arkheologiya, 1998, № 2, S. 234–243.
- Sedov V. V., *Yazycheskie svyatilishcha smolenskikh krivichei*, Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii, 1962, Vyp. 87, S. 57–64.
- Shorin A. F., *Svyatilishche Koksharovskii kholm v Srednem Zaural'e: markery sakral'nogo prostranstva*, Ural'skii istoricheskii vestnik, 2010, № 1 (26), S. 32–42.
- Shutova N. I., *Srednevekovye svyatilishcha Kamsko-Vyatskogo regiona*, Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: sb. st., Otv. red., avt. predisl. N. I. Shutova, Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 2004, S. 5–35.
- Timoshchuk B. A., Rusanova I. P., *Slavyanskije svyatilishcha na Srednem Dnestre i v basseine Pruta*, Sovetskaya arkheologiya, 1983, № 4, S. 161–173.
- Erlikh V. R., *Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II, IV v. do n.e.*, M., Nauka, 2011. – 212 s.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021 г